

The book cover features a white background with a halftone dot pattern. Large, expressive red splatters and streaks are scattered across the top and bottom. A prominent red rectangle is positioned in the center-left, containing the author's name and title. To the right of the rectangle, a silver bullet is shown in a vertical orientation. In the top-left corner, there is a circular metallic object, possibly a coin or a button, with some illegible markings. The overall aesthetic is graphic and somewhat somber.

Саша Коротков

Шмель

Рассказ о смысле жизни

Александр Михайлович Коротков

Шмель

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30018521
SelfPub; 2018*

Аннотация

Современный, отчасти вымышленный, рассказ о внезапном обнаружении непредсказуемого смысла жизни и его утрате.

Черт его знает, когда я родился. Наверное, осенью. Потому что я люблю осень, а остальные не очень. В это время года постоянно идет дождь, а он заметно сокращает количество человеческих пустых голов на квадратный метр серого, мокрого асфальта. Это-то меня и радует, ведь, никто не мешает, не путается под ногами и не пересекает хаотически твою размеренную траекторию движения. Хотя, даже этих, редких прохожих, я украдкой разглядываю из-под козырька своей кепки, потому что мне интересно то, как они себя ведут, что же выкинут на этот раз, в этой ситуации.

Я не помню своих родителей. Они, наверняка, были, но кем являлись и как выглядели я, увы, теперь уже сказать не могу. Все как-то подзатерлось в непрерывном мельтешении и броуновском перемещении сознательной, взрослой жизни. Ведь, человек не может помнить всего, что с ним когда-либо происходило, верно?! А уж детство тем более. Наверное, запоминаются яркие впечатления или необычные ситуации, но я жил серой мышью, не имел ни друзей, ни врагов, был середнячком в школе и институте, боялся что-либо громко сказать на посиделках с одноклассниками, одноклассниками, коллегами. Чаще – слушал. Так и прослушал основную часть своей юности. Экстремальных выходов избегал: драться с кем-либо боялся, влюбляться ленился, напиваться стеснялся. Да и денег жалел. Знаете, говорят, что жизнь течет, так вот она и протекала, а я лишь беспомощно дергал конеч-

ностями в ее течении, с интересом и страхом оглядываясь по сторонам.

Мало что было мне интересно. Поэтому-то я, скорее всего, и не спорил никогда, ведь не было позиции, которую хотелось бы отстаивать. Кино лишь помогало убить время, книги редко вызывали интерес, поскольку мысли авторов не были мне близки. Живопись я просто не понимал. Театры нагоняли тоску своей надуманностью и наигранностью. Станиславский во мне на каждом спектакле кричал на сцену свою излюбленную фразу. Танцы были мне просто противны, поскольку напоминали механические, неосознанные и бессмысленные телодвижения, похожие на рефлексy животных, направленные на привлечение противоположного пола для спаривания. Спорт мне не удавался, поскольку я был не азартен. Мне, просто-напросто было плевать, что кто-то прибежит, приплывет или прыгнет быстрее, выше, лучше меня. То же самое и с игровыми видами: я никак не мог взять в толк, почему должен переживать, что кто-то другой поместил мяч в ворота моей команды. А музыка... Вот с музыкой дело обстояло по-другому. Когда я слушал ее, душа во мне, будто бы, колыхалась, раскачивалась из стороны в сторону. Аккорды песен и звуки голосов лучших исполнителей входили в резонанс со звуками моей внутренней вселенной и заставляли ее вибрировать. Я знал всех хороших музыкантов современности и прошлого, мог с первых нот, звуков и скрипов узнать песню, подпевал всему, что нравилось, мо-

ментально запоминая слова. Если быть честным, я считал, что музыка может заменить мне все: дом, еду, воздух, может помочь справиться с любыми трудностями, утихомирить всевозможные переживания. Часто, мне даже на свой организм было наплевать, я полностью заглушал внутренний голос, пустой звук материи, когда, например, на пробежке он начинал ныть и пресмыкаться перед такими ничтожными физиологическими факторами, как боль, нехватка кислорода, тошнота. В эти моменты я просто делал его звук потише и погромче включал плеер с одной из своих любимых песен, которая несла меня дальше на волнах своего пятилинейного нотного стана, меж диезов и бемолей, мимо скрипичного ключа, к нотам, четвертым, восьмым, шестнадцатым.

В школу меня, насколько я помню, устроили. По знакомству. Она считалась хорошей в районе и давала возможность поступить в престижный ВУЗ. В него меня тоже устроили. По знакомству. Один из самых уважаемых в городе, а все для того, чтобы после его окончания я смог устроиться на высокооплачиваемую ненавистную работу, чтобы иметь возможность тратить деньги на ненужные глупости в те моменты своего времени, которые оставались после прожигания недель рабочими буднями. Закончив ВУЗ, я не смог найти работу, и меня на нее устроили. По знакомству. Ее я, как и предыдущие этапы своей героической судьбы, тоже ненавидел. Школьная жизнь сделала меня самостоятельным. Теперь уже не бабушка водила и забирала меня, а я сам уходил

с утра и приходил по ее окончанию к бабушке на обед. Школа – маленькие джунгли. В ней каждый борется за выживание, охотится и избегает охоты на себя, старается не быть съеденным. Классные парни и девчонки парят на своей крутости и популярности, а неудачники и уроды барахтаются в своей крови и блевотине. И все довольны, все делают вид, что не замечают других. А я не был ни классным, ни уродом, я смотрел и на тех, и на других с интересом и впитывал, как губка. Всему в жизни мы учимся: ходить, говорить, держать ложку, так и здесь мы учились не только историческим датам, суффиксам и мировым столицам. В первую очередь мы учились взаимодействовать с другими людьми, вести себя по-разному с разными окружающими для достижения поставленных себе целей. Мы начинаем вести дружбу с отличниками, чтобы не париться с учением неинтересных параграфов, а списывать. Мы подлизываемся к преподавателям и играем роль того, кто мог бы им понравиться, чтобы нас не вызывали лишний раз к доске. Мы надеваем широкие джинсы, чтобы одноклассники звали нас на дни рождения. Это был настолько странный период жизни, что я даже не могу его толком описать. Нечто похожее на процесс превращения шарика в Шарикова в собачьем сердце. Сначала я учился писать и разговаривать, потом изучал моменты общеобразовательной программы, и, вскоре, почти-что научился самостоятельно думать и размышлять, но тут уже школа и закончилась. Радиус моих передвижений в городе увеличился. Те-

перь, чтобы успеть к девяти, мне необходимо было ездить на общественном транспорте. По большому счету все то же самое, что и в школе, только уровень посложнее. Здесь все уже по-прошаристее. Но, мы ведь для этого и учились всем хитростям человеческого поведения в школе, чтобы применить навыки в дальнейшей жизни. Все, что я понял в ВУЗе, так это то, что я там никому не был нужен. Это удивительно, но там вообще никто никому был не нужен. Преподаватели сухо жевали лекции, студенты так же сухо записывали. Все зевали. Специальность я выбрал, прямо скажем, не конкретную и, соответственно, не редкую. Учился пять лет черт знает чему, чтобы после не знать где это черт знает что применить. Никогда у меня не было осознания того, что это – мое призвание. Что ж, им оно и не стало.

Течение жизни занесло меня своим мощным потоком на военную кафедру. Так не нужно было идти в армию или прятаться от нее и переживать. Выбор был очевиден. Раз уж я и так прожигал свои жизнь и время, тратя их на ненужные и не интересные мне вещи, так почему было не добавить еще одну. Не знаю, как другие, но я там ничему не научился, разве что пришивать подворотничок. Получил свое звание – и слава Богу. Ну, еще лес порубил на сборах.

В последние годы университета у меня появилось сознание, до тех пор сохранявшееся в зародышевом состоянии где-то глубоко внутри. Теперь же оно развернулось, как лист папоротника, заполнив меня изнутри, и, что самое обидное,

досталось оно мне какое-то бракованное. Довольно пессимистичное, нигилистическое, неинициативное, без следов присутствия какого-либо энтузиазма. Наверное, оно и раньше проявлялось в моем характере, но отличие теперь было в том, что я все это осознавал и не пытался с этим бороться. Если в школе я придумывал предлоги, почему я не хочу куда-то идти, с кем-то общаться, виновато и дружелюбно улыбался, то сейчас я отвечал честно, прямо и без тени стеснения, за что должен был получить определенную негативную репутацию. Но нет, люди, кажется, стали даже больше ко мне тянуться.

Особенно явно это стало видно, когда я уже работал. Именно тогда я удивился тому, что тянулись ко мне, по большей части те, кого я сильнее от себя отталкивал. В прочем, секрета тут не было – я все еще, по детской привычке, не хотел быть говном и сторонился всех достаточно вежливо. Думаю, что именно такой типаж и вызывает наибольшее доверие у окружающих. Поначалу я просто чувствовал от своей работы дискомфорт, потом он стал нарастать, в результате чего, работу я, в какой-то момент, уже ненавидел. Причиной был тот факт, что я ни в чем не видел смысл. Это и убивало остатки моего разума. Я видел лишь заученные и зазубренные, привычные движения, знал, что это все не для меня, и я этого делать не хочу, но что хочу делать – не имел представления. В этой банке я и мариновался несколько лет.

Что ж, достаточно короткое описание большей части мо-

ей жизни, даже как-то обидно, но часть эта была, преимущественно, бессознательной, ведь так?

Общество в те дни было готово ко всяким передрыгам, по типу терактов или черных пятниц, но поверить в то, что, после века войн может случиться еще одна, никто не мог. Все слишком уж углубились в потребительство и просмотр сериалов, чтобы быть морально готовыми к новой войне. Общая концепция мира на земле, внушаемая нам с детства полностью противоречила ей. А она началась. Ни с того, ни с сего, маленький вооруженный конфликт перерос в нечто большее, где образовались две абсолютно несогласные и принципиальные стороны, на каждую из которых встало по паре могучих держав, давно уже мешавших свободным движениям друг друга. Как мешают друг другу толстяки в одной мелкой лодке. Первое время все вокруг лишь «ахали», «охали» и смотрели новости. Следили за тем, как в бой вступают те, у кого это в крови. Потом смотрели за теми, кто вписался в эту историю из-за нужды в деньгах и смысле жизни. А позже, одним утром, я прочитал в новостях о всеобщей мобилизации офицеров запаса, выпускников военных кафедр. Тут я понял, что месяц полных умываний под рукомойниками, привязанными к сосне, был не самой большой ценой за получение погон.

Через неделю я уже ехал в старом автобусе, стриженный непривычно коротко, в зеленой, плотной одежде с заветными погонами на плечах. Провожать меня было некому, как и

некому было со мной прощаться. Гордое одиночество играло здесь мне на руку, поскольку другим было явно тяжело расставаться с близкими. Я же сидел, качаясь, в автобусе, заблокировав слуховые проходы затычками наушников и впитывая элэсдэшные переливы клавишных Дорз. Внутри я улыбался, ведь, позади оставались: ненавистная работа, бесцельное существование, ненужное образование. А впереди была лишь неизвестность, а это, все же, шанс 50 на 50, что новая жизнь мне подойдет. Уходить от нелюбимых вещей всегда здорово, и не важно, в какую сторону: на клубничные поля или на войну.

Меня, в моем путешествии поддерживало две вещи: осознание того, что я ничего не оставляю за спиной и музыка. Я лишь могу представить, что выполняло эту роль для других. Возможно, то, что с экранов телевизоров называют «патриотизм». Я ехал и думал об этом понятии, и пришел к выводу, что мы – лишь большие куклы. Нет, питомцы. Взрослые, хорошо выдрессированные питомцы. Немного больно осознавать, что нам в голову внедряют даже то, как и что мы должны чувствовать. Говорят, нужно любить, и мы слоняемся по поверхности земного шара, ища что-либо подобное тому чувству, о котором нам рассказали и радостно бежим к маме, когда, кажется, почувствовали именно то. То, о чем мы слышали, то, о чем читали. Достаточно только одной мысли об этом, один только раз, и все остальные эмоции и переживания наложатся, как по программе, потому

что мы бессознательно создадим их для себя. Или этот, как по мне, вопиющий обман общества: патриотизм. *Патриотизм – это любовь к Родине, нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы.* Так написано в словаре. Это ни что иное, как глобальное программирование. Только задумайтесь, по сути, ты должен любить место, в котором родился, и быть готовым пожертвовать ради него своими частными интересами. Но что, если не получается любить место, в котором родился, что, если больше по душе другое, за тысячи километров?!

– Что такое патриотизм? – спросите вы любого,

– Ну, это любовь к своей стране, – услышите вы в ответ.

– А за что ты любишь свою страну?

– Ну как же, я тут родился, вырос, здесь вся моя семья.

С таким же успехом можно развивать патриотизм к своей квартире и косо смотреть на всех, у кого его нет. Ты родился и прожил всю жизнь в этой квартире, так почему же нет? В чем разница? Ну, хорошо, а скажем, родился ты в одной стране, а потом переехал с семьей в другую. Должен ли у тебя быть патриотизм? А к какой из них? И если не к первой, то с чего ко второй, если ты там не рождался и не жил? А через сколько лет жизни в ней он должен появиться? Это ужасно, но наше сознание с детства настроено на конфронтацию. Мы деремся с парнями из другого двора, деревни, позже, с ребятами

тами из другой школы. Мы учимся верить в то, что НАШЕ – и есть ЛУЧШЕЕ, какое бы оно ни было. Позже, наш институт лучший, а если не он, то род войск в армии. Попросите морпеха с ВДВшником решить, какой род войск лучше. Будет драка. Вторые так вообще научены калечить себя «ЗА ВДВ». Еще и с гордостью кричат об этом. Кругом лишь конфронтация, столкновения. Мода, пришедшая к нам из Англии: лучшая футбольная команда – это команда из моего города, я ее поддерживаю. Если в городе несколько команд, то лучшая – та, за которую болеют в моем районе, в моем дворе. Если я переезжаю, то я пересматриваю свои взгляды. Или мне приходится. Абсолютно человеческая черта – приписывать себя к каким-либо кастам, организациям, клубам, сворам. В толпе нам уютнее, мы чувствуем себя более защищенными. Парадоксальная метаморфоза: принятие человека, основываясь только на том факте, что он жил в твоём дворе перерастает в остервенелую поддержку на соревнованиях тех спортсменов, которые выросли с тобой в одной стране. У вас, весьма вероятно, более схожий менталитет, чем с тем парнишкой из Зимбабве. Но что, если первый представляет, как насилует детишек, когда засыпает, а тот, из Зимбабве, примерный семьянин и обливается холодной водой по утрам?! Наш пловец лучше! А что, если он – гей?! А тот, другой – герой войны?! За кого болеть? Так вот, самое ужасное, что географически определенные границы разделяют людей на группы. А этими группами довольно уме-

ло управляют некоторые политики, когда необходимо поводить. Тишина, тишина, и вдруг: «Слава нашему народу, героям слава!». Идите и умирайте за свою страну, потому что нам нужна нефть. Любое разделение народа планеты идет вразрез с любыми учениями, в том числе и христианскими, но как масло на хлеб ложится на наше чувство незащищенности и неуверенности, желание быть в стае. Потому что в диком мире без стаи не выжить. Что ж, меня окружала моя новая стая, да только смотреть на них всех было противно: кто хныкал, кто нервно качался взад-вперед, кто сидел, закрыв лицо руками и вздыхая. Вот каково это, когда есть, что терять. Наверное, непросто.

Нас привезли к обшарпанным воротам военной части, но она, как оказалось, не была конечным пунктом наших передвижений. Здесь мы по одному заходили в кабинет к начальнику, беседовали с ним, и, после этого определялась наша дальнейшая судьба. Я зашел в душный кабинет. Напряжение царило в воздухе, но на военного оно, казалось, не влияло. Он был таким и в мирное время, и на рынке, и дома на горшке: спокойный, сосредоточенный, целеустремленный. Его ничуть не смущала рация, стоявшая на столе, рядом с ним и, то и дело, начинавшая шипеть или говорить чужими неразборчивыми голосами. Полковник спросил:

– Какая специальность?

– Зенитно-ракетные войска, ПВО, – смущенно ответил я.

– Помнишь что-нибудь?

– Не много, – пришлось честно признаться.

– На аппаратуре работал?

– На сборах один раз показывали... – начал было я, но голос полковника прервал меня.

– Ясно, кто по профессии?

– Экономист.

– Молоток в руках умеешь держать?

– Умею

– Едешь в стройбат, нам казармы нужны, все ясно?

– Так точно, – по уставу ответил я и вышел.

– Что сказал? – спросил меня какой-то военный в коридоре.

– Стройбат, – промямлил я, и он взял меня за плечо, придал направление движения по коридору и махнул кому-то рукой, показывая на меня. В конце коридора меня встретили, и, через пару минут я уже снова трясся в автобусе. Потом последовало еще несколько пересадок, поезд, вертолёт, и вот я заправляю койку на втором ярусе двухэтажной кровати где-то в глубине мира. Здесь теплее, чем там, откуда я приехал, но постоянно слышны взрывы и выстрелы. Так я себе и представлял войну.

Дальше мало интересного: однообразные будни, отличающиеся только зданиями, где приходилось работать. Нужно сказать, вопрос полковника о моем умении управляться с молотком был лишним – мне так и не довелось его подержать: занят я был, в основном, работами по сбору мусора и

подметанию полов. На интеллектуальном уровне – недалеко от моей работы на гражданке, на самом-то деле. Распорядок дня был строгим, но к нему можно было привыкнуть, что я и сделал. Несмотря на общую военную ситуацию и тесное общение с сослуживцами, друзей у меня не появилось. По моей инициативе, надо сказать. Мне были неинтересны их диалоги, которые я поддерживал постольку – поскольку, а, соответственно, и их личности. Спустя неделю пребывания, началась бытовуха. Оказывается, и на войне может быть скучно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.